

# ИНТРОДУКЦИЯ РЕФЕРЕНТА В РУССКИХ УСТНЫХ ПЕРЕСКАЗАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «РАССКАЗОВ О ГРУШАХ» У. ЧЕЙФА)<sup>1</sup>

**Федорова О. В.** (olga.fedorova@msu.ru)

МГУ имени М.В. Ломоносова и Институт  
языкознания РАН, Москва, Россия

В серии работ, опубликованных двадцать лет назад на материале анализа русских, немецких и шанских<sup>2</sup> сказок, мы исследовали вопрос о типологии средств интродукции референта в письменных текстах. Цель настоящей работы состояла в том, чтобы на материале устных пересказов известного «Фильма о грушах» Уоллеса Чейфа оценить, насколько разработанная «сказочная» модель интродукции применима к устному дискурсу; в качестве альтернативного подхода была рассмотрена модель Чейфа, разработанная на материале английских пересказов «Фильма о грушах». Настоящее исследование было выполнено на материале 25 русских пересказов, проанализированный корпус включает 125 интродуктивных предложений. Предлагаемая модель интродукции отличается как от «сказочной» модели интродукции, так и от модели Чейфа по каждому из пяти рассмотренных пунктов: тип привязки, наличие речевых сбоев, статус персонажа и распространенность предложения, ограничение на легкое подлежащее, ограничение одного нового понятия. Выявленные тенденции должны быть подтверждены на более обширном материале. Кроме того, некоторые из обнаруженных закономерностей ждут продолжения исследования на материале других, неинтродуктивных, предложений русского языка.

**Ключевые слова:** интродукция, устный дискурс, «Рассказы о грушах», русский язык

## REFERENT INTRODUCTION IN RUSSIAN SPOKEN NARRATIVES

**Fedorova O. V.** (olga.fedorova@msu.ru)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00211). Автор выражает благодарность А. А. Кибрику и трем анонимным рецензентам за критические замечания, высказанные при подготовке работы.

<sup>2</sup> Шанский язык — один из тайских языков, распространен в основном в Мьянме и Китае.

In a series of papers published twenty years ago on analysis of Russian, German and Shan tales, we examined the typology of referent introduction in written texts. The general purpose of the current study was to evaluate how the “tale” model of introduction is applicable to the spoken narratives; as an alternative approach we considered the Chafe’s model, based on the English “Pear stories” (Chafe 1980). Twenty five Russian participants took part in the experiment; all the participants described the same experimental film about some child stealing pears; thus we analyzed 25 narratives and 125 introductory sentences. Surprisingly, our model differs from both the “tale” introductive model and the Chafe’s model for each of the following points: (1) type of the common ground, (2) speech disfluencies, (3) the character status and clauses number, (4) the “light subject” constraint, (5) the “one new idea” constraint. However, all of these results need further empirical justification in new studies on Russian materials.

**Keywords:** introduction, spoken discourse, “Pear stories”, Russian language

## 1. «Сказочная» интродуктивная модель

В основу данного исследования положены исходные представления о феномене интродукции, введенные в (Федорова 1994); под интродукцией мы понимаем введение нового референта в долговременную память адресата. В прототипическом случае интродуктивное предложение состоит из трех основных элементов: привязка — бытийный оператор — номинация референта. **Привязкой** мы назвали общие знания о фрагменте действительности, которые, по мнению говорящего, имеются и у говорящего и у адресата; более употребительный современный эквивалент — **общая позиция** (common ground), в данной работе мы сохраним термин «привязка». В работе (Федорова 1994) на материале текстов сказок был обоснован постулат о принципиальной необходимости привязки; были выделены эксплицитные и имплицитные привязки, а также ступенчатая привязка и псевдопривязка — введение героя повествования через второстепенных или эпизодических персонажей, особенно частотно это явление в абсолютном начале сказочных текстов, напр.: *Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький* (Гуси-лебеди). **Бытийный оператор** указывает на интродуктивную неопределенную референцию имени. Номинация состоит из **интродуктива** (который во многих европейских языках обычно выражается неопределенным артиклем) и собственно номинации.

В (Федорова 1994) было показано, что при интродукции референта говорящий может использовать различные языковые средства: порядок слов, отдельное интродуктивное предложение, употребление имени собственного и др. В разных языках проблема выбора набора средств, отвечающих за введение референта, решается по-разному; в некоторых удастся выделить какое-либо доминирующее средство (в частности, «говорящие имена» в шанском языке), в других интродуктивный потенциал оказывается равномерно распределен между многими способами кодирования. Еще один важный аспект связан с понятием **силы интродукции**, то есть прагматической потребности в ней.

На материале сказок было показано, что чем выше место персонажа в иерархии «главный герой — герой — второстепенный персонаж — эпизодический персонаж», тем сильнее интродукция.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы оценить, насколько разработанная на материале письменных сказок модель интродукции применима к устному дискурсу и при необходимости скорректировать ее. В качестве устного материала были выбраны известные «Рассказы о грушах» У. Чейфа (Chafe 1980). Видеоролик, созданный авторами специально для этого научного проекта, был выбран по многим причинам; в частности, на основании разработанных в (Федорова 1994) критериев в нем однозначно выделяются: главный герой (мальчик), герой (садовник), второстепенный персонаж (три мальчика), а также эпизодические персонажи (мужчина с козой и девочка). Опишем краткий сюжет фильма:

- (1) Мужчина на дереве собирает груши. Мимо проходит мужчина с козой. Приезжает мальчик на велосипеде, берет одну корзину с грушами и уезжает. По дороге навстречу мальчику едет девочка на велосипеде; у мальчика слетает шляпа; велосипед наезжает на камень; мальчик падает; груши рассыпаются. Три подошедших мальчика помогают собрать груши и отдают потерянную шляпу. Мальчик дает им три груши; они уходят в разные стороны. Мужчина на дереве продолжает собирать груши; он обнаруживает пропажу одной корзины с грушами. Мимо проходят три мальчика, жуя подаренные груши. Мужчина смотрит им вслед.

Если следовать канонической сказочной модели интродукции, введение персонажей будет выглядеть примерно так:

- (2) [садовник] В одной мексиканской деревне жила-была одна семья, у которой был большой грушевый сад. Однажды солнечным летним днем глава семьи — крупный усатый мужчина средних лет в шляпе, белом фартуке и с красным платком на шее — отправился в сад собирать груши. <...> [мужчина с козой] В этот момент мимо дерева проходит мужчина, который ведет козу. <...> [мальчик] Тут к грушевому дереву на большом красном велосипеде старой модели подъезжает десятилетний мальчик в широкой шляпе, на шее у мальчика тоже платок. <...> [девочка] Навстречу мальчику по дороге едет девочка на велосипеде. <...> [три мальчика] К мальчику подходят трое ребят и помогают ему подняться, один из мальчиков играет пинг-понговым шариком.

Даже при беглом взгляде на (2) кажется очевидным, что введение персонажей при устных пересказах не происходит подобным образом. В частности, плавность речи нарушается паузами hesitation и другими речевыми сбоями, сила интродукции не так однозначно связана с ролью персонажа, а характерная для сказок псевдопривязка заменяется какими-то иными средствами интродукции. Прежде чем приступить к анализу материала русских пересказов, обратимся

к исследованиям У. Чейфа, выполненным на материале английских пересказов «Фильма о грушах». Мы ожидаем, что модель Чейфа окажется более применима к нашему материалу, чем модель, основанная на письменном сказочном дискурсе.

## 2. Интродукция персонажей по Чейфу

В данном разделе мы рассмотрим два дискурсивных ограничения из (Chafe 1994), используемых при введении новых персонажей — ограничение на «легкое подлежащее» (light subject constraint) и ограничение одного нового понятия (ООНП, one new idea constraint).

Как известно, Чейф выделяет три когнитивных статуса референта в сознании (consciousness) адресата: активный, полуактивный и неактивный. Активную информацию говорящий обычно упаковывает как данную (given), неактивную как новую (new), а полуактивную — как доступную (accessible); доступные референты находятся в полуактивном состоянии благодаря предыдущим упоминаниям.

Чейф отмечает, что предложения *A girl saw John* 'Какая-то девушка увидела Джона', регулярно встречающиеся в научных публикациях, редко употребляются в реальной речи. Проанализировав разговорный корпус английского языка, состоящий из 10 тыс. словоупотреблений, он пришел к выводу, что 81 % всех подлежащих вводят данную информацию, причем 98 % из них являются местоимениями (Chafe 1994: 85). Оставшиеся 19 % подлежащих в 16 % вводят доступную информацию и только в 3 % новую; в последних случаях таким образом вводится тривиальная информация, которая никогда больше не упоминается (Chafe 1994: 88–91). Таким образом, ограничение на «легкое подлежащее» в разговорной речи гласит, что подлежащее вводит или неновую информацию, или (если новую) несущественную информацию (Chafe 1994: 92).

Второе ограничение, которое описывает Чейф, касается количества новой информации, вводимой в одной **интонационной единице** (ИЕ, intonation unit). ИЕ по Чейфу отражает текущий фокус сознания и часто совпадает с клаузой (clause); в данном исследовании мы будем использовать близкий термин **элементарная дискурсивная единица** (ЭДЕ, см. (Кибрик, Подлесская (ред.) 2009). Анализируя пример *Jennifer was really happy* 'Дженифер действительно счастлива', Чейф пишет, что данное высказывание может встретиться в реальной речи только в том случае, если концепт Дженифер активирован в сознании адресата (Chafe 1994: 108). Таким образом, прототипическая ИЕ состоит из легкого подлежащего, в котором содержится данная информация, и предиката, содержащего новую информацию (Chafe 1994: 108). Анализ Чейфа основан на собранных пересказах «Фильма о грушах», ниже приводится интродукция персонажей одного из английских пересказов в переводе на русский язык<sup>3</sup>:

---

<sup>3</sup> Русский перевод лишь условно соответствует английскому оригиналу; в частности, в оригинале часто используется конструкция *There is*. В скобках здесь и далее указывается длительность пауз.

- (3) [садовник] (.35) Вот тут (.65) какой-то фермер, (.15) он выглядит как ээ . . американский мексиканец, (.5) он собирает груши. <...> [мужчина с козой] Ээ . . и какой-то мм . . какой-то мужчина с козой (.2) проходит мимо. <...> [мальчик] (.4) И маленький мальчик, он приезжает на своем велосипеде. <...> <...> [девочка] И вот тут еще какая-то девочка, (.35) едет на велосипеде, примерно его возраста, (.25) по дороге. <...> [три мальчика] Между тем вот тут три маленьких мальчика, (.15) недалеко на дороге.

Итак, мы рассмотрели два примера интродукции персонажей при пересказе «Фильма о грушах» — один пример был сконструирован на основании сказочной модели интродукции, второй взят из реальных «Рассказов о грушах» и переведен на русский язык. В следующем разделе мы оценим, насколько реальные русские пересказы «Фильма о грушах» соответствуют первой или второй модели.

### 3. Интродуктивная модель в русских «Рассказах о грушах»

Данное исследование выполнено на материале 25 пересказов «Фильма о грушах», в качестве испытуемых были привлечены студенты и сотрудники МГУ имени М.В. Ломоносова в возрасте от 17 до 46 лет. Исследование проводилось индивидуально: сначала каждый испытуемый смотрел шестиминутный видеоролик, который он раньше не видел, а затем пересказывал его содержание второму участнику. Пересказы были записаны на видеокамеру и диктофон, расшифрованы и затранскрибированы; деление на предложения и ЭДЕ было произведено на основании просодических критериев; в программе PRAAT ([www.fon.hum.uva.nl/praat](http://www.fon.hum.uva.nl/praat)) была размечена временная динамика и выделены паузы. В данной работе проанализированы фрагменты пересказов, в которых вводятся основные персонажи данного фильма. Таким образом, корпус интродуктивных предложений содержит 125 единиц, по 25 для каждого из пяти персонажей.

Собранные интродуктивные предложения были проанализированы по следующим основаниям: тип привязки (раздел 3.1), наличие речевых сбоев (3.2), статус персонажа и распространенность предложения (3.3), ограничение на легкое подлежащее (3.4), ограничение одного нового понятия (3.5).

#### 3.1. Тип привязки

В сказочных интродукциях в абсолютном начале используются псевдопривязка и ступенчатая привязка; при интродукции важных персонажей обычно используется привязка по времени / месту, при интродукции неважных — привязка через другие персонажи. В английских «Рассказах о грушах», согласно транскриптам из (Chafe (ed.) 1980) и работе (DuBois 1980), во всех случаях доминирует использование привязки по времени / по месту. Посмотрим, какие типы привязки встречаются в русских пересказах.

Как и ожидалось, псевдопривязка и ступенчатая привязка не характерны для пересказов, такие конструкции встретились в нашем корпусе только по одному разу, см. пример *ступенчатой* привязки<sup>4</sup>:

- (4) показывается дерево,  
(.4) и к нему присоединена лестница,  
ээ(.3) на этой лестнице мужчина.

Однако, в отличие от английских, для русских пересказов оказалась характерна так называемая *кинематографическая* привязка, т. е. использование в качестве общего знания того факта, что рассказчик пересказывает сюжет фильма. Такая привязка хотя бы раз встретилась в каждом из 25 пересказов. Например, интродукция мужчины с козой выглядит так:

- (5) ээ(.2) потом мы слышим (.3) звук блеяния козы,  
(.5) видим человека,  
(.4) который ведет козу на веревке.

Вопрос использования кинематографического взгляда в «Рассказах о грушах» был впервые описан в (Tappen 1980). Оказалось, что американские испытуемые чаще пересказывали видеоролик как фильм, в то время как греческие испытуемые просто рассказывали историю, не упоминая о том, что действие происходит в фильме; согласно работе (Mazur and Chmiel 2012) в большинстве «Рассказов о грушах» кинематографическая лексика встречается хотя бы один раз; в частности, для голландских пересказов эта цифра составляет 79%, для греческих 80%, для польских 85%.

В наших пересказах кинематографический взгляд использовался хотя бы один раз в 100% пересказов. Более того, была выявлена важная закономерность: количество его использования для нужд интродукции последовательно сокращается от начала к концу пересказа независимо от статуса персонажа: садовник был введен при помощи кинематографической привязки в 23 случаях из 25, мужчина с козой в 10 случаях, мальчик в 9 случаях, девочка в 3 случаях, три мальчика в 1 случае.

Рассмотрим два другие типа привязок: по времени / месту и через уже введенного персонажа. Садовник 2 раза вводится при помощи привязки по времени / месту, мужчина с козой 3 раза вводится привязкой по времени / месту и 12 раз через садовника, мальчик 12 раз вводится привязкой по времени / месту и 4 раза через садовника, девочка ни разу не вводится привязкой по времени / месту и в 22 случаях вводится через мальчика, три мальчика 5 раз вводятся привязкой по времени / месту и 19 раз через мальчика. Таким образом, наблюдаемая закономерность совпадает с правилом сказочной интродукции: привязка по времени / месту оказывается характерна для важных персонажей, а привязка

---

<sup>4</sup> Здесь и далее примеры даются с разбивкой на ЭДЕ, символами ээ и мм обозначены заполненные паузы.

через другие персонажи — для неважных. Однако в отличие от сказочной интродукции доминирующим средством оказывается кинематографическая привязка.

### 3.2. Речевые сбои

Как мы и предполагали, речевые сбои (в частности, заполненные и незаполненные паузы hesitation) оказались самым ярким отличием устных пересказов от письменных сказочных текстов. На таком ограниченном материале мы можем сделать только самые предварительные выводы, которые нуждаются в более серьезном подтверждении. Тем не менее, по нашим данным, паузы hesitation при интродукции любого персонажа оказываются заметно длиннее, чем паузы в начале других эпизодов, в которых введения персонажей не происходит. Более того, эти длинные паузы часто встречаются внутри предложения, перед вложенной клаузой, что в общем случае представляет собой нехарактерное явление:

- (6) ээ(.4) мальчик едет по дороге,  
(.7) мм(.8) видит едущую навстречу ему (.2) девочку,

### 3.3. Статус персонажа и распространенность вводящего его предложения

В сказочных дискурсах важные персонажи вводятся с большим количеством дополнительной информации в том же предложении. При рассмотрении этого вопроса (Федорова 1994) мы считали общее число значимых дополнительных признаков («возраст», «социальный статус» и проч.) без учета структуры предложения. На материале устных пересказов мы обратились к вопросу о том, есть ли связь между статусом персонажа и распространенностью вводящего его предложения. Сосчитав количество клауз для всех 125 интродуктивных предложений, мы получили такие усредненные цифры: при интродукции садовника используется 3.2 клаузы, при интродукции мужчины с козой — 2.4, мальчика — 2.5, девочки — 3.1, трех мальчиков — 3.2. Как видно, данное распределение оказывается никак не связано со статусом персонажа, а одинаковые цифры при интродукции садовника и трех мальчиков говорят, по-видимому, о разных тенденциях. В первом случае речь идет о дополнительных интродуктивных средствах, необходимых при введении персонажа в абсолютном начале (аналог псевдопривязки в сказках); во втором случае работает противоположное правило: при интродукции неважных персонажей в одном предложении аккумуляруется много информации, которая при введении более важных персонажей обычно упаковывается в несколько предложений, ср. (7) и (8):

- (7) после этого (.2) вдруг появляются трое мальчиков,  
(.5) ниоткуда,  
(.3) двое постарше (.2) а один помладше,

(.3) и они ему помогают мм(.2) собирают,  
ээ(.3) поднимают его,  
(.3) собирают те груши,  
(.4) кладут в корзину.

- (8) (1.0) дальше камера наезжает на мальчика,  
(.2) и мальчик на велосипеде.  
(.4) велосипед ещё такой старый как раз,  
(.7) с верхней рамой.  
(2.0) ээ(.5) мальчик одет (.6),  
я бы сказал как мм(.2) пионер,  
ну довольно цивилизно,  
(.6) вот то есть он не шпана.

При более внимательном взгляде оказалось, что в многоклаузных предложениях типа (7) часто содержится информация не только о вводимом персонаже:

- (9) ээ(.2) по пути он (.2) встретил девочку на велосипеде,  
(.5) ээ(.2) столкнулся с ней,  
(.2) с него слетела шляпа,  
(.4) и он (.3) упал.

В последнем примере две из четырех клауз не имеют отношения к девочке. Если пересчитать данные, учитывая только клаузы с интродукцией данного персонажа, при интродукции садовника а используется 2.2 клаузы, при интродукции мужчины с козой — 2, мальчика — 2.2, девочки — 1.5, трех мальчиков — 2.5. Самое значительное уменьшение наблюдается в случае интродукции девочки, что хорошо согласуется с эпизодическим статусом персонажа.

Таким образом, статус персонажа никак не связан с распространенностью предложения, а неважные персонажи часто вводятся с большим количеством дополнительной информации.

### 3.4. Ограничение на легкое подлежащее

В (Федорова 1994) мы не затрагивали вопрос о легком подлежащем, а по работам Чейфа известно, что 81% подлежащих вводится как данное. Подсчитав синтаксическую роль персонажей, мы получили цифры, обратные статистике Чейфа: в 85,6% персонаж вводится именно в позиции подлежащего. Процент мог быть еще выше, если бы не характерная для девочки интродукция в позиции дополнения, см. пример 8.

Как видно, на нашем материале это ограничение Чейфа не работает. Возможно, это связано со свободным порядком слов в русском языке по сравнению с английским. Насколько это ограничение нарушается на русском материале



в неинтродуктивных предложениях в пересказах «Фильма о грушах», а также на другом русском материале, остается вопросом для дальнейшего изучения.

### 3.5. Ограничение одного нового понятия

Второе ограничение Чейфа — ООМП — оказалось распределено в наших 25 пересказах следующим образом. В случае интродукции садовника данный принцип не соблюдается в 20 случаях из 25, например:

- (10) ээ(0,3) всё начинается с того,  
что мужчина собирает груши.

Однако при введении других персонажей этот принцип не нарушается ни разу. Можно предположить, что в русских нарративах, в отличие от английских, позиция абсолютного начала повествования является более выделенной и требует использования особых дискурсивных средств, подчеркивающих этот статус. Это предположение также нуждается в проверке на более обширном материале.

## 4. Заключение

Проанализировав 125 русских интродуктивных предложений, взятых из 25 пересказов «Фильма о грушах» Чейфа, мы получили следующие результаты:

1. Привязка. Наиболее распространенной оказалась кинематографическая привязка, частота использования которой уменьшается к концу пересказа; использование других привязок коррелирует со статусом персонажа: привязка по времени / месту характерна для важных персонажей, а привязка через другие персонажи — для неважных.
2. Паузы хезитации, в целом характерные для устной речи, в случае интродукции становятся более длинными даже в нехарактерных для них местах в середине предложения.
3. Статус персонажа оказывается никак не связан с распространенностью вводящего его предложения, а неважные персонажи часто вводятся с большим количеством дополнительной информации.
4. В 85,6% новая информация о персонаже вводится в позиции подлежащего.
5. Ограничение одного нового понятия нарушается при интродукции садовника и соблюдается при интродукции других персонажей.

Типичный усредненный пересказ может выглядеть так:

- (11) [садовник]  
(.5) ээ(.5) фильм начинается с того что  
мм(.6) усатый мужчина в шляпе собирает груши.  
[мужчина с козой]

(.6) в это время ээ(.3) мимо проходит какой-то мужчина с козой,  
коза упирается.

[мальчик]

(.8) ээ(.4) затем ээ(.2) приезжает маленький мальчик на велосипеде,  
в большой шляпе.

[девочка]

(.4) он ээ(.2) едет через поле,

(.3) а навстречу ему едет девочка,

(.4) тоже на велосипеде.

[три мальчика]

(1.0) это видят (.5) трое других мальчиков,

(.2) мм(.3) они подходят и помогают ему подняться,

(.4) и собирают груши в корзину.

Описанная модель интродукции отличается как от «сказочной» модели интродукции (в которой средства интродукции выбираются в зависимости от важности персонажа), так и от модели Чейфа по каждому из пяти рассмотренных пунктов. Оказалось, что выбор интродуктивной стратегии в первую очередь зависит от позиции вводимого персонажа в тексте. Выявленные тенденции должны быть подтверждены на более обширном материале. Кроме того, некоторые обнаруженные закономерности (в частности, нарушение обоих ограничений Чейфа) ждут продолжения исследования на материале других, неинтродуктивных, предложений русского языка.

## Литература

1. *Chafe W.* (ed.) (1980), *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*, Norwood: Ablex.
2. *Chafe W.* (1994), *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*, Chicago.
3. *Du Bois J.* (1980), *The trace of identity in discourse*, W. Chafe (Ed.) *The Pear Stories*, New Jersey: Ablex, pp. 1–7.
4. *Fedorova O. V.* (1994), *A typology of referent introduction means [Tipologiya sredstv introduktivnoy referentsii]*, Moscow.
5. *Kibrik A. A., Podlesskaya V. I.* (eds.) (2009). *Corpus of spoken Russian “Night Dream Stories” [Korpus ustnoy russkoy rechi “Rasskazy o snovideniyakh”]*, Moscow: Jazyki slavyanskikh kul'tur.
6. *Mazur I., Chmiel A.* (2012), *Towards common European audio description guidelines: Results of the Pear Tree Project, Perspectives: Studies in Translatology*, Vol. 20(1), pp. 5–23.
7. *Tannen D.* (1980), *A comparative analysis of oral narrative strategies: Athenian Greek and American English*, W. Chafe (ed.) *The Pear Stories*, New Jersey: Ablex, pp. 51–87.